

Глава 8

Цюй Дубянь вовсе не лукавил.

В памяти этого крохотного тела еще жили воспоминания о том, как Е Сяюань порой выводил его на прогулки. Случалось, им встречались длинноязыкие слуги, которые, не стесняясь ребенка, тыкали в него пальцами и перешептывались, изливая яд в своих речах.

Подобная жестокость не могла не оставить след в душе дитя. После пары таких встреч Сяюань перестал уводить принца далеко, ограничиваясь играми в небольшом саду неподалеку от дворца Цзюйань.

Обычный ребенок вряд ли бы понял смысл этих слов, а если бы и запомнил, то вскоре забыл. Но Дубянь был иным. Он обладал способностью помнить обиды всю жизнь.

— Кто это сказал?! — вскипел евнух Юй, и в его голосе послышался неприкрытый гнев. — Пустая болтовня! Ваше высочество, вам нужно хорошо кушать и расти крепким, только тогда Его Величество будет доволен. Остальные принцы поступают именно так: чем больше и лучше они едят, тем скорее становятся опорой для отца, разделяя с ним тяготы правления.

Юй мягко улыбнулся, стараясь сгладить впечатление от своей вспышки:

— Сегодня выбирайте всё, что вашей душе угодно. Ешьте, сколько захочется.

— Правда? — Глаза мальчика расширились от удивления.

— Истинная правда.

Видя, как просияло лицо маленького принца, Юй сам подхватил его на руки. Плиты и столы на кухне были слишком высокими для ребенка, и без посторонней помощи Дубянь просто не увидел бы лучших яств, скрытых от его взора.

— Вот это! — Дубянь ткнул пальчиком в сторону золотистой, истекающей соком жареной курицы.

— И это! Еще вот это!

Молоко, нежные розовые пирожные, кристальные пельмени с креветками, суп из «снежных ушей» с благородным ласточкиным гнездом, хрустящие тефтели с водяным каштаном, сочные ребра, тушенные с белоснежным редисом... Вэнь Сяочунь наполнил уже четыре увесистых короба для еды, прежде чем Дубянь счел, что этого достаточно.

Сам он обладал скромным аппетитом, но Спутнику Е и Сяочуню, которые были в самом расцвете сил, требовалось хорошее питание, чтобы восстановить подорванное здоровье.

Отныне никто на Большой кухне не осмелится урезать паек обитателей Цзюяня, хотя Дубянь понимал: такого изобилия, как сегодня, им больше не видать.

Повара и младшие распорядители кухни переглядывались в явном замешательстве. Почти всё, что выбрал Седьмой принц, относилось к изысканным блюдам, приготовленным по особым заказам для влиятельных наложниц. Теперь им будет непросто оправдаться перед высокородными дамами.

Однако присутствие евнуха Юя подавляло любые возражения. Его слово было словом самого императора. Даже если госпожи в своих дворцах будут раздосадованы, ни одна из них не посмеет открыто выразить недовольство из-за еды, предназначенной принцу.

Поэтому слуги безмолвствовали. Возразить в такой момент означало бы собственноручно подписать себе смертный приговор.

Дубянь возвращался с богатой добычей. Евнух Юй с благожелательной улыбкой проводил его до самых ворот Большой кухни.

— Ступайте осторожно, Ваше высочество.

Он даже выделил двух помощников, чтобы те помогли донести короба, поглядывая на мальчика с почти отеческой нежностью.

Но едва Дубянь скрылся из виду, улыбка мгновенно сползла с лица Юя. Он медленно обернулся к застывшим распорядителям. Один из сообразительных слуг тут же подставил ему стул.

Опустившись на него, Юй принял чашу с чаем и сделал неспешный глоток. В тишине зала резкий скрежет крышки о фарфор прозвучал подобно удару бича.

— Остальным — разнести обеды по дворцам, — ледяным тоном распорядился он. — Если чего-то не хватает, так и говорите: таков приказ государя. Пусть никто не сомневается.

Юй обвел тяжелым взглядом присутствующих:

— Все распорядители кухни остаются здесь, у меня к вам будет разговор. И велите позвать главных из Управления по делам топлива и прочих служб, ведающих внутренними делами дворца. Чтобы мне не пришлось обходить каждого лично.

Государь обратил свой взор на дворец Цзюйань, и евнух Юй, его верный пес, последовал примеру хозяина. Сегодняшний инцидент на кухне был лишь легкой закуской перед основным блюдом.

Настоящая расплата только начиналась.

Цюй Дубянь вернулся в Цзюйань, окруженный горой провизии.

Е Сяюань и Вэнь Сяочунь всё еще пребывали в оцепенении, не в силах поверить в реальность происходящего. Евнух Юй — самый влиятельный слуга во всем дворце, человек, выросший бок о бок с императором... Его благосклонность была равносильна милости самого монарха.

Е Сяюань затуманенно размышлял.

«Не покойная ли госпожа явилась государю во сне, умоляя вспомнить о сыне? Иначе как объяснить такое чудо?»

Лишь когда помощники Юя ушли, а столы во дворце скрылись под блюдами с изысканными яствами, Е Сяюань пришел в себя. Это случилось в тот миг, когда Дубянь собственноручно впихнул ему в рот сочную креветку в хрустальном тесте.

Радость была настолько велика, что на мгновение затмила разум.

— Ваше высочество, кушайте сами, не нужно отдавать это слуге, — пробормотал Сяюань, едва проглотив угощение.

Дубянь, обхватив обеими руками свою маленькую чашу, с наслаждением пил ароматный бульон. Вэнь Сяочунь тем временем бережно отделял кусочки нежного куриного мяса и складывал их на тарелочку перед мальчиком.

— Я всё равно столько не съем, — проговорил Дубянь. — Я брал это в основном для вас.

Он был еще совсем крохой и, как бы ни старался, не смог бы осилить и десятой доли принесенного.

«Боги, как же это вкусно! Бульон такой наваристый, мясо такое нежное... Что же я ел до этого?»

Он чувствовал себя почти счастливым.

Для Е Сяюаня не было ничего важнее аппетита господина. Наблюдая, как Сяочунь подкладывает мальчику то мясо, то пельмени, он всё же не выдержал и вздохнул.

— Нельзя так много, — он мягко остановил руку Сяочуня. — Ваше высочество давно не пробовали тяжелой пищи, желудок может не справиться. Нужно есть понемногу, лучше налегайте на бульон.

Он даже отодвинул часть еды с тарелки мальчика.

— И не ешьте так быстро.

Вэнь Сяочунь робко возразил:

— Но ведь Его высочество ест с таким аппетитом... Неужели нельзя разок позволить ему излишество?

Его слова затихли под суровым, холодным взглядом Сяюаня. Сяочунь покорно умолк.

Дубянь сделал вид, что ничего не заметил, продолжая трапезу в свое удовольствие. Он знал: если ему действительно захочется еще кусочек, пара ласковых слов и умоляющий взгляд заставят Спутника Е немедленно сдаться.

После обеда из Императорской медицинской академии прислали мазь от ушибов. Едва обработали руку, как Дубяня сморил сон, и он отправился на полуденный отдых.

В это время в Цзюйань снова заглянул евнух Юй. Он некоторое время молча созерцал убогое убранство дворца, после чего лишь едва заметно махнул рукой. Сопровождающий его молодой евнух принялся быстро заносить что-то в свиток, сохраняя сосредоточенно-серьезный вид.

Е Сяюань не смел мешать, лишь следовал за ними тенью. Евнух Юй проявил к нему неожиданную вежливость:

— Я составил список всего, чего не хватает во дворце, чтобы привести его в соответствие с достоинством принца. Подумай, нужно ли добавить что-то еще?

Сяюань на мгновение задумался.

— Молоко. Нужно много молока. Его высочество сейчас быстро растет.

Он перечислил еще множество мелочей, и Юй велел записать каждую из них. Примечательно было то, что Сяюань не попросил ни единой вещи для себя лично.

Евнух Юй негромко вздохнул:

— Ты верный слуга. То, что Маленький принц дожил до сего дня — твоя заслуга. Ступай, не будем тревожить сон Его высочества. Скоро из разных ведомств начнут приносить вещи. Я велю им быть потише, чтобы не шумели под окнами.

— Благодарю господина, — склонился Сяююань.

— Не стоит благодарности.

Весь остаток дня во дворец доставляли всевозможную утварь: от повседневных мелочей до рулонов ценных тканей. Прислали даже шесть новых слуг — евнухов и служанок, а учитывая, что Седьмому принцу не было и трех лет, выделили и опытную кормилицу-мамку.

Когда Дубянь проснулся, в его покоях уже вовсю полыхали жаровни с углем — роскошь, о которой раньше нельзя было и мечтать.

То, что Цзююань так преобразился, Дубяня не удивило. Он понимал, что случайная встреча с евнухом Юем была даром небес, которым он сумел распорядиться.

— Спутник Е.

Е Сяююань сидел у кровати принца и, завидев, что тот проснулся, тут же подал ему чашу с теплой водой. Он провел здесь всё время, пока мальчик спал. Когда первая радость утихла, к нему вернулась холодная рассудительность.

Его принц был не по годам умен. После той сильной лихорадки его проницательность становилась всё очевиднее. Сяююань раньше думал, что ребенок ничего не понимает, но дети на самом деле острее всех чувствуют холод и злобу окружающих. Сегодняшний случай на кухне стал тому доказательством.

Если бы он, Сяююань, смог подняться до положения евнуха Юя... Или хотя бы стать главным управляющим рангом ниже... Тогда он смог бы защитить принца от любых невзгод.

Но сейчас Дубянь слишком мал, и Е Сяююань не мог оставить его, чтобы заняться собственной карьерой. Значит, нужно найти других людей и помочь им возвыситься. Как бы ни помогал им евнух Юй сегодня, он оставался человеком императора, а принцу нужны были свои преданные люди.

Пока принц мал, он будет действовать постепенно. В памяти Сяююаня всё еще стояла картина

того, как Дубянь доверчиво прижался к евнуху Юю, и как Юй несколькими словами разрешил все их беды. От этой власти невозможно было отвести взгляд.

Нет, восхищала не внешность Юя. Восхищала его власть.

Сяююань внезапно почувствовал небывалый прилив сил. Глядя на принца, он твердо произнес:

— Ваше высочество, не беспокойтесь. Я всё понял. Я буду очень стараться.

Дубянь лишь недоуменно моргнул.

«?»»

Он и не догадывался, что его слова на Большой кухне, призванные вызвать жалость у Юя, пронзили сердце его верного спутника, заставив того устыдиться собственной слабости.

Впрочем, стремление к лучшему — это всегда хорошо. Он одобрительно похлопал Сяююаня по плечу.

Евнух Юй закончил дела в Цзюйане и вернулся во дворец Цзычэнь лишь к вечеру. Император Чунчжао как раз приступил к ужину.

Трапезу монарха готовила личная Императорская кухня, так что ему не приходилось ждать поставок из общего ведомства. Со времен покойного императора в обычай вошло трехразовое питание: двенадцать блюд на завтрак, сорок восемь на обед и тридцать шесть на ужин.

Чунчжао, взойдя на престол, провозгласил скромность: завтрак состоял из простой каши, обед сократили до тридцати шести блюд, а ужин — до двадцати четырех. Для императора, который должен был подавать пример умеренности, это считалось едва ли не аскетизмом.

— Вернулся? — Чунчжао не поднимал глаз от тарелки. — Рассказывай, что там, во дворце Цзюйань.

Юй на мгновение собрался с мыслями.

— Рядом с Седьмым принцем осталось всего двое слуг-евнухов.

От этих слов брови Чунчжао сошлись на переносице.

— Как это — всего двое? — Император отложил палочки. — Я помню, что в Цзюйань отправили немало людей. Где кормилицы? Где служанки?

— Я навел справки. Все они давно покинули дворец.

— Сами? — Чунчжао сделал глубокий вдох, стараясь сохранить спокойствие. — Сколько было Седьмому, когда они ушли?

— Те, кто остался верен принцу, говорят, что кормилицы и служанки разбежались, когда Его высочеству не исполнилось и года.

— Неслыханно!

Чунчжао знал, что придворные мастера в искусстве угождать сильным и топтать слабым. Он смутно догадывался, что забытому ребенку живется несладко, но заставлял себя не думать об этом. В его сердце жила затаенная обида: он считал, что лишения сына — это своего рода искупление, траур по матери. Если бы мальчик жил в роскоши и неге, как бы он смог искупить вину за то, что отнял жизнь у той, кто его родила?

Но император и представить не мог, что его собственный сын живет в такой нищете прямо у него под носом! Разумеется, государь не собирался признавать собственные ошибки. Проще было обрушить гнев на других.

— Юй Дэцай, продолжай. Я хочу знать, сколько еще смельчаков решили поиграть со смертью.

Юй подробно изложил события на Большой кухне.

— Слуги впали в крайнюю дерзость, помыкая хозяином. Утром Седьмому принцу подали черствые маньтоу и соленья. Ребенок так проголодался, что сам пришел на кухню просить еды, но вместо этого получил удар по руке.

Юй немного сгустил краски, но то теплое, детское объятие заставило даже этого хитроумного евнуха встать на защиту принца.

Раздался звон — Чунчжао в ярости швырнул чашу с чаем на пол. Его лицо стало пугающе холодным. Юй тут же пал на колени.

— После я посетил дворец Цзюйань... Ох, там царит истинное запустение. Одежда на принце та самая, что была привезена из дворца Юннин два года назад. Только к вечеру удалось собрать и доставить всё необходимое.

Юй на мгновение замолчал, а затем добавил:

— К тому же, некоторые невоздержанные на язык слуги наговорили Его высочеству бог весть чего. На кухне принц выбирал лишь самую простую еду, не притрагиваясь к изысканным блюдам. Я спросил его, почему он так поступает, и Его высочество ответил: «Господин евнух, а если я и дальше не буду этого есть, отец наконец полюбит меня?». Мое сердце облилось кровью, Ваше Величество, и я взял на себя смелость позволить принцу брать всё, что он пожелает.

Этими словами Юй не только поведал об обидах мальчика, но и оправдал свой поступок перед императором, обезопасив себя от гнева наложниц, чьи блюда перекочевали в Цзюйань.

— Мерзавцы! Косноязычные твари!

Сердце Чунчжао словно полоснули ножом. Гнев душил его; глядя на стол, уставленный деликатесами, он почувствовал, что не сможет проглотить больше ни кусочка.

<http://bllate.org/book/16117/1582117>